

STUDIA PHILOLOGICA

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ МГУ
КАФЕДРА АРАБСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Д. В. Фролов

АРАБСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Грамматика
Стихосложение
Корановедение

Статьи разных лет

.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 83.3(0)

Ф 91

Рецензенты:

А. Б. Куделин, М. С. Мейер

Фролов Д. В.

Ф 91 **Арабская филология: Грамматика, стихосложение, ко-
рановедение: Статьи разных лет. — М.: Языки славянской
культуры, 2006. — 440 с. — (Studia philologica).**

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0148-9

Исследования, включенные в эту книгу, охватывают собой период более тридцати лет и объединены одной общей темой — арабская филология. В них характеризуется состав арабской классической филологической традиции, прослеживаются основные вехи истории ее различных ветвей, анализируются проблематика и метод арабской филологической науки, ее место в системе знания в средневековой арабо-мусульманской науке, рассматривается взаимоотношение теории и практики в арабской словесной культуре. Особо следует выделить статьи, посвященные исследованию Корана и традиционного корановедения как важной составной части филологической науки.

Некоторые статьи были написаны на английском языке и публикуются на русском языке впервые. Несколько исследований и переводов было подготовлено специально для настоящей книги.

Книга рассчитана на востоковедов, студентов востоковедческих вузов, а также на всех интересующихся арабским языком, Кораном и поэзией арабов.

ББК 83.3(0)

ISBN 5-9551-0148-9

© Фролов Д. В., 2006

© Языки славянской культуры, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Время собирать камни.....	10

Грамматика

К вопросу о понятии предложения в арабской грамматике.....	17
Предлоги в арабской грамматической традиции.....	34
О теории личных местоимений в традиционной арабской грамматике.....	54
Способы определения понятий в традиционной арабской грамматике.....	65
Учение о поэтических вольностях (<i>dar ūr āt ash-shi'r</i>) в традиционной арабской грамматике.....	94

Стихосложение

Заметки по истории 'аруда в Андалусии.....	127
Круги ал-Халила и структура «Лузумийят» Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри.....	161

Корановедение

К истории классической арабской филологии: о сложении комплекса «коранических наук».....	185
Ибн ан-Надим об истории коранической экзегетики.....	215
К вопросу о распространении грамотности в Мекке и Медине в период проповеди Мухаммада.....	235
Два ранних текста о происхождении арабского письма.....	244
Эстетические мотивы в Коране.....	263
Семантика мотива камня в Коране.....	299
О стиле Корана.....	323

Композиция Корана: проблема «семи длинных сур»	340
Средневековые мусульманские дискуссии о порядке сур и их значение для изучения композиции Корана	354
Заметки о композиции Корана: сура «Корова»	370
Заметки об именах Корана и терминах «сура», «айат».....	391
Размышления о суре «Нух»	411
Contents	437

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи, собранные в этой книге, были написаны в разное время, по разным поводам, для разных периодических (или иных) изданий и даже на разных языках. Тем не менее, когда я начал отбирать исследования для сборника, они неожиданно для меня образовали цельную картину. Тогда я понял, что книга получается.

Единство и цельность всем включенным в книгу исследованиям придает единство объекта, а именно, классической арабской филологической традиции, разным граням которой и посвящены отдельные статьи сборника. Об этом единстве арабской филологии, вернее о наших представлениях на этот счет, хотелось бы сказать несколько слов в предисловии к сборнику.

В начале восьмидесятых годов уже, как ни странно, прошлого века я начал читать курс «Введение в арабскую филологию» для арабистов-филологов Института стран Азии и Африки. Одна из задач этого курса — дать студентам понятие о филологической науке, созданной деятелями арабо-мусульманской культуры в классический период (VIII—XV вв.), науке, которая до сих пор определяет многое как в культуре мусульманских народов, так и в арабистике. Тогда передо мной встала задача определить, прежде всего, для самого себя, что собой представляет эта наука. Найти удовлетворяющий меня ответ на возникший вопрос, теоретически корректный и, одновременно, практически удобный для лекционного курса, в литературе, которой я располагал, мне не удалось. Пришлось искать ответ самому.

Ответ сложился в концепцию, которую тогда я выразил в формулировке «Три источника и три составных части классической арабской филологии». И хотя сама эта формулировка, претенциозная и, в силу молодости, задорная, давно для меня лично ушла в прошлое, концепция осталась и до сих пор определяет мои взгляды на предмет.

Отправная точка была очень простая. Как известно, то, о чем мы думаем, формирует содержание и структуру нашей мысли, то, что мы исследуем, определяет структуру складывающейся у нас теории. Внимание же поколений арабских филологов с самого начала было направлено, прежде всего, на три основных объекта: писание ислама, или Коран, древнюю доисламскую арабскую поэзию как источник литературной традиции и классический арабский язык как основное средство выражения для Корана и поэзии, а также всей выросшей на них словесности, литературы и науки. В силу этого классическая арабская филология и сложилась как единая область знания с единым методом, состоящая из трех тесно сплетенных между собой разделов. Это — языкознание, ставшее исходной точкой для развития всего комплекса в теоретическом и методологическом отношениях, теория литературы, прежде всего, поэзии, и корановедение, которое многие средневековые авторитеты определяют совершенно филологически — как «науку о тексте Корана и комментарии к нему». Сейчас, по прошествии двадцати с небольшим лет с момента возникновения данной концепции, мне более по душе другой образ — «нитка, втрое скрученная».

В перечне исходных объектов исследования арабской филологии, как легко заметить, отсутствует один элемент — литературная проза. Причина этого в том, что в тот период, когда складывалась филологическая теория, традиция литературной прозы в арабской культуре еще не сложилась. А раз не было объекта, не возник и раздел науки, его изучающий. Традиция прозы окончательно сложилась лишь в X веке, и уже в следующем, XI веке, возникает наука о стиле прозы — риторика, по-арабски — «наука о красноречии» (*ilm al-balāgha*). Очень быстро эта наука стала одной из самых авторитетных в комплексе арабо-мусульманской учености, но на ней навсегда осталась печать позднего происхождения.

Дело в том, что начало риторики лежит за гранью эпохи «первого синтеза» арабо-мусульманской культуры, времени «мусульманского ренессанса», как называл X век А. Мец. Именно в этом веке был подведен итог всему периоду раннего развития, а состав культуры и науки был четко определен как с точки зрения внешних границ, так и с точки зрения внутренней структуры, что демонстрируют появляющиеся во множестве в X веке классификации наук.

Грамматика, стихосложение, являющее одной из основных составных частей комплекса наук о поэзии, и корановедение — это не

только составные части классической арабской филологии, но и этапы моего личного пути как исследователя и университетского преподавателя. Таким образом, сборник, включающий в себя как самую первую опубликованную мной статью, так и работы, завершённые специально к данному изданию, стал чем-то вроде вехи на пути в три с лишним десятилетия.

В сборник включены статьи, никогда не публиковавшиеся на русском языке, изначально написанные по-английски, и перевод их на русский язык стал для меня очень интересным предприятием, ибо каждый язык обладает собственной логикой и собственными условиями в области научного мышления и изложения. В книгу вошли также статьи, публиковавшиеся в малотиражных изданиях или трудах, давно ставших библиографической редкостью.

Хочется верить, что работы, включённые в сборник, не утратили свою актуальность и интерес для читателей, коллег и учеников, которым они теперь становятся доступными, и что, собранные вместе, они приобрели какое-то дополнительное измерение, позволяющее увидеть что-то новое в увлекательном мире арабского языка и литературы, арабской филологической мысли и арабо-мусульманской культуры.

Сентябрь 2005 г.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ **(Судьба классического востоковедения)***

Ориенталистику XVIII—XIX вв. отличали три черты, ставшие сейчас особенно актуальными.

Во-первых, ясное понимание конечной цели научной работы. Востоковеды прошлых веков, сотрудничая друг с другом, видели свою задачу в том, чтобы раскрыть для своих соотечественников и для мировой цивилизации «экзотические» культуры. В этом было моральное оправдание труда ориенталистов и в глазах окружающих, и в их собственных глазах. Отсюда внимание к публикации письменных памятников, их переводу и комментированию, сбору образцов материальной культуры (коллекции, музеи), сочинению популярных брошюр и книг, которые тогда значили для ученого не меньше, чем узкоспециальные работы. Причем этой работой занимались, как ни странно это звучит сейчас, практически все востоковеды, независимо от области специализации каждого.

Во-вторых, синтетический характер классической науки о Востоке, наличие целостного взгляда на вещи. Недостаточно было предоставить в распоряжение желающих понять Восток груды частных фактов и концепций, в которых неспециалисты не смогут разобраться, утонут, будучи не в силах даже запомнить их. Нужен был образ «экзотической» культуры, понятный, яркий, запоминающийся, который заменил бы то, чем располагает каждый из нас в отношении родной культуры, — контекст, в который укладываются любые частности. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что при отсутствии «западоведения», изучающего «материнскую» для всей классической ориенталистики европейскую культурную традицию

* Впервые эта статья была опубликована в журнале «Народы Азии и Африки», 1990. № 4. С. 89—91.

(оно заменено спектром отдельных дисциплин), востоковедение вполне правомочно существовало как внешне обособленная и внутренне целостная отрасль гуманитарного знания. Параллель: частных наук о Земле множество, а, скажем, селенология только одна. Востоковед прошлого мыслил себя прежде всего знатоком той или иной культуры — арабистом, индологом, синологом, иранистом, а уж потом — языковедом, историком литературы, специалистом по политической или экономической истории, религиоведом и т. д. Широта эрудиции, предполагающая возможность ответить на любой вопрос по «своей» культуре, была для него делом чести. Вспомним, например, академика И. Ю. Крачковского.

В-третьих, конкретно-фактологический характер теоретизирования, который отличали:

— во-первых, отчетливый **филологизм**, поскольку для большинства изучаемых восточных культур основополагающие и определяющие весь строй жизни ценности были сформулированы именно в текстах;

— во-вторых, подчеркнутый **историзм**, поскольку именно Восток с его традиционализмом позволял особенно живо ощутить связь времен, наличие уходящих в глубь времен корней у самых животрепещущих проблем современности.

Наступил XX век. Центробежная сила специализации, долгое время символизировавшей прогресс в науке, практически разорвала на части единство классической ориенталистики. Процесс специализации дал, особенно в первое время, положительные результаты, и положительный потенциал изначального импульса не израсходован до конца и сейчас. Отдельные детали картины изучаемой культуры в истории того или иного народа были прорисованы тщательно, подчас даже сверхтщательно. И самое главное — была убедительно продемонстрирована несостоятельность европоцентристского подхода, который был присущ старому востоковедению. Но были и потери. И немалые. Вместе с утратой общей перспективы распалась и сама картина, а многие участки ее погрузились во тьму забвения, став «черными дырами». Возьмем близкую мне арабистику. На стыке исламоведения и филологии потерялось корановедение, то есть, традиция филологического изучения Корана, весьма развитая в арабской средневековой культуре, а также специфическое учение о неподражаемости Корана, не имеющее прямых аналогий в европейской культуре и важное для истории сразу трех областей: лингвистической

тики, риторики и исламоведения. Не нашло себе места ни в истории арабской литературы, ни в арабском языкознании стиховедение и оттого затерялось (при всей важности системы 'аруда для восточной поэзии). Ослабнувшие связи между избежавшими этой участи областями, которые перестали ощущаться как части единого целого — культуры, усиливали притяжение каждой из них соответствующей общей дисциплиной «по профилю». Востоковед стал воспринимать себя, скажем, лингвистом, а не арабистом; литературоведом, а не иранистом; политологом, а не индологом. Это означало в первую очередь теоретическую переориентацию. Общекультурный контекст традиции становился все менее обязательным для интерпретации отдельных явлений, что вело к обесцениванию широкой востоковедной эрудиции, и ориенталист во многих случаях переставал быть знатоком Востока.

Смена «парадигмы» повышала методологическое значение эрудиции другого рода — общетеоретической. Не редкостью стал тип ученого, занимающегося, например, изучением того или иного восточного языка и прекрасно знающего Ф. де Соссюра, Р. Якобсона и Н. Хомского, но с трудом могущего рассказать о религии «своей» страны или о ее социополитической истории, а подчас и о традиции национального языкознания. Постепенно признанная де-юре в результате углубления наших знаний самобытность восточных культур стала де-факто исчезать из внимания исследователей, а сами исследования — превращаться в демонстрацию действенности универсалистских концепций сравнительно-типологического характера, разработанных часто даже без привлечения материала соответствующей традиции. Выгнанный в дверь европоцентризм начал тайком пробираться в окно. Утрата представления о единстве и индивидуальной неповторимости каждой культуры имела и еще одно негативное последствие. Востоковедение, которое было связным между культурами, инструментом их взаимообогащения, утратило свою цель. При отсутствии адекватного уровню развития науки единого образа, единой концепции «другой» культуры нечего стало передавать носителям «своей» культуры, а также культуре общемировой. Как это часто бывает, объективный итог стал восприниматься как моральный императив. Мне приходилось не раз слышать утверждения, что востоковед должен заниматься «чистой» наукой, а такая сфера деятельности, как перевод, заслуживает лишь высокомерно-нисходительного, полупрезрительного отношения как стремление

угодить широкой публике. Дескать, хотя бы понять чужую культуру — пусть выучат язык и читают классические тексты. Не все разделили бы высказанное столь эксплицитно мнение, но уже выросло не одно поколение востоковедов, из которых многие не перевели ни строчки. Отступление от культурной функции ориенталистики, не менее важной, чем чисто научная функция, привело к появлению, так сказать «дегуманизированного» востоковедения. Читаешь иную работу, разбираешься в сложных абстрактных схоластических построениях автора и не можешь отделаться от впечатления, что тот немногий фактический материал, который попал в работу, ученому только мешает. Состояние науки определило и характер подготовки кадров для нее, когда рост удельного веса специальных, часто даже не имеющих отношения к Востоку курсов шел параллельно с сокращением общевостоковедной подготовки. Не случайно, что в недавнем, но уже прошлом в Институте стран Азии и Африки МГУ всерьез обсуждался вопрос об исключении слова «востоковед» из диплома.

Нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Классическое востоковедение есть факт прошлого. Забыть все, чему ориенталистика научилась от других наук, что она сама сделала позитивного в рамках специализации, — невозможно, да и не нужно. Речь в настоящий момент идет о другом. Настало время собирать камни. Дальнейшее развитие науки о Востоке предполагает возрождение на уровне современных знаний общей теории, или концепции каждой из восточных традиций как целостного организма, данного в историческом развитии. Сумма накопленного, но не систематизированного материала делает эту задачу реальной и вместе с тем одной из самых актуальных. Требуется коренной пересмотр всего нашего взгляда на Восток. Без этого невозможно дальнейшее углубление знаний в каких-то отдельных областях. Этого требует и адекватное осмысление восточного материала в различного рода типологических и иных глобальных схемах, ибо такая обобщающая теория задает тот «коэффициент преломления», который позволяет одновременно учесть специфику восточных традиций и действительно обогатить эти схемы и концепции, сделать их, по сути, универсальными.

Успех в построении таких концепций требует осторожности, чтобы избежать опасностей как консерватизма, так и априоризма, а это значит, что путь к ним идет снизу, от фактов. Это путь индукции. На настоящем этапе, вероятно, следует говорить не о теории востоковедения, а о теориях, максимальный уровень обобщения ко-

торых — национальная традиция или, в крайнем случае, — культурный регион, например, мусульманский. Не только теоретические, но и практические нужды требуют развития таких обобщающих концепций. Иначе востоковедение не сможет выполнить свою культурную задачу, которая предполагает осознание того непреложного факта, что и сейчас, как и столетие назад, открытие доступа к сокровищам экзотических культур — дело не менее важное, чем разработка умозрительных построений, а также и сугубо конкретную, но очень важную задачу социополитического прогнозирования. Другими словами, востоковедение рискует потерять рациональное основание своего существования и стать ненужным придатком гуманитарной науки, от которого в условиях жесткой экономии общество может и избавиться. Обеспечение этой задачи кадрами требует перестройки в системе подготовки востоковедов. В свое время в ИСАА обсуждалась концепция единого базового востоковедного образования (первые два или три курса) с последующей специализацией. Может быть, настало время вернуться к этой идее.

ГРАММАТИКА